

А. В. КРЕЙЦЕР

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ГРЕВС НА КРЕСТЕ ВАСИЛЕОСТРОВСКОГО ЛОКУСА

Статья посвящена выдающемуся русскому историку-медиевисту Ивану Михайловичу Гревсу. Речь идет о его вкладе в учение о ноосфере В.И. Вернадского. Раскрываются общие связи Гревса – религиозного идеалиста, проповедовавшего единение науки и веры, с петербургским научно-учебным центром на Васильевском острове.

Ключевые слова: *И.М. Гревс, В.И. Вернадский, Васильевский остров, наука, Крест; крещение, литургия, ноосфера.*

Профессор историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Иван Михайлович Гревс (4(16) мая 1860–16 мая 1941) вошел в историю отечественной и мировой культуры как выдающийся историк западноевропейского, преимущественно итальянского, средневековья, античности, а также как один из основоположников петербургского и ленинградского (1920-х гг.) краеведения и экскурсионного движения. Он считается основателем семинарского метода в университетском преподавании. Между тем, Гревс был прежде всего учителем, преподававшим как в вузах, так и в средних учебных заведениях Петербурга–Петрограда–Ленинграда, учителем, которого боготворили ученики и который являл своей личностью пример особой петербургской духовности и сердечности. В сборнике «К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса» (1911) его ученики писали: «Вы заняли твердую и честную позицию перед... обращенным к Вам вопросом, на который нельзя было дать простого ответа.

Тот, который давали Вы личным убеждением, профессорской работой и всей своей жизнью, не всегда понятен был Вашим слушателям. Вы не склоняли их закрывать глаза на зло и неправду жизни, усыпляя свою совесть и волю, – вся Ваша проповедь звала к пониманию этого зла и к борьбе с ним. Но Вы предостерегали от грозной опасности иссушить и обеднить свою душу, извратить понимание бесконечной сложности жизни в исключительной преданности одной истолковывающей ее формуле. Полный благоговейного уважения к тому мировому духу, который, проходя сквозь рождения и смерть, сквозь порывы и возвраты, сквозь изменчивое трепетание пламенной жизни, на вращающемся станке времени вечно тклет живую одежду Божества. Вы, как историк и мыслитель, развертывали перед нами богатую картину этой многоцветной и многоликой действительности, звали к внимательной и независимой оценке заключенных в ней ценностей и стойкой их защите»¹.

¹ К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности... С. I–II.

В течение своей долгой жизни профессор Гревс неоднократно подвергался гонениям властей. Но каким-то чудесным образом уцелел в сталинской мясорубке. Скорее всего, он имел заступников из видных коммунистов, учившихся у Ивана Михайловича в прежнее время.

Последний этап научной жизни Гревса начался в 1934 г., когда в СССР было принято решение восстановить исторические факультеты и использовать «старых специалистов». Иван Михайлович был приглашен на кафедру истории средних веков Ленинградского университета. Характеристика, выданная ему 2 декабря 1937 года, гласит: «Гревс И.М. – беспартийный. 1860 г. рождения, из дворян помещиков. До 1917 г. был членом партии кадетов. Окончил Петербургский университет в 1883 г., профессор с 1892 г. на Высших женских курсах и с 1903 г. в Петербургском университете. Имеет многочисленные печатные труды по истории средних веков, главным образом, раннего средневековья. Совершенно не знаком с марксизмом, по своим историческим взглядам – идеалист.

Владеет огромным фактическим материалом.

В университете работает с 1 сентября 1934 г., ведет занятия с аспирантами и спецсеминар со студентами.

В общественной жизни участия не принимает»².

На студентов и аспирантов, советскую молодежь 1930-х гг. облик старого профессора производил неизгладимое впечатление: он был живым памятником русской культуры XIX в. «Теперь в университете Гревс использовался исключительно как “спец”, быть учителем жизни и “миросозерцания”, как он привык в свое время, он мог лишь в очень ограниченном смысле, самым фактом своего существования... В.И. Рутенбург писал: “Несмотря на то, что мы начали слушать И.М. Гревса, когда ему уже было 75 лет, его сдержанный, но неиссякаемый научный энтузиазм оказывал на нас, думается, не меньшее воздействие, чем на многие предшествовавшие поколения его учеников”»³. Б.С. Каганович вспоминал: «Когда в начале 1980-х автор этих строк спросил у проф. М.Е. Сергеевко, автора прекрасных работ по Древнему Риму, учившейся еще до революции у И.М. Гревса на Бестужевских курсах: “А Гревс был крупный ученый?”, она ответила: “Гревс был больше, чем крупный ученый”»⁴.

В очерке о Васильевском острове в 1920-е гг. И.М. Гревс писал:

«...Васильевский остров – оригинально окрашенная “питерская провинция”, но с элементами “столичности” в монументальном и бытовом строе. Но в его прошлом одна сторона дела – от его необходимой части мирового центра, в который он входит, исполняя особую, руководящую функцию. Васильевский остров вырос как главное, активное средоточие науки и просвещения в Петербурге и России. Это наш Латинский квартал. Так называется издавна в Париже

² Вахромеева 2004. С. 341.

³ Каганович 2007. С. 56. (Цитируется: Рутенбург 1993. С. 309).

⁴ Там же. С. 67.

на левом берегу Сены школьный район вокруг Сорбонны, старого и нового университета)⁵. И в другом месте: «Научно-учебная часть выдающаяся особенно дорогая черта Васильевского острова. Умеренная работа – характерная особенность деятельности большого и сильного процента его населения. Такое преемство, можно надеяться, останется присуще Васильевскому острову, как и Ленинграду вообще, ... который сохранит за собой и в будущем дело первенствующего очага, создающего духовные ценности... научные и учебные учреждения притягивали большие умственные силы интеллигенции. Многие академики, профессора, ученые специалисты, педагоги, писатели, художники обитали на острове издавна, и в самых их домах и квартирах проходила интенсивная духовная деятельность (кружки, салоны, общества), много творившая и влиявшая широко на интересы района, жизнь города и развитие страны. Около них копилась научные, литературные и художественные богатства... Трудно перечислить квартиры живших на Васильевском острове академиков, профессоров, деятелей искусства, которые являлись индивидуальными ячейками идейного общения и совместного творчества духовных ценностей. Как кажется, и Ломоносов жил на Васильевском острове*... Нельзя пересчитать всех жилищ на Васильевском острове, в которых происходила интенсивная умственная жизнь из поколения в поколение. Многочисленное студенчество, также жившее на Васильевском острове, в свою очередь вносило в "василеостровскую культуру" живые и бодрые соки. В истории Петербургского центрального культурного гнезда Василеостровская ячейка делала большое дело, и изучение ее работы – важная задача Ленинградского синтетического краеведения. Таким духом веет от Васильевского острова, и надо иметь в виду эту неосознаемую, но реальную атмосферу, когда в серьезной прогулке всматриваемся в его вещественные памятники и материальную жизнь»⁶.

Так воспроизводит И.М. Гревс василеостровский Петербургский текст. Творец понятия Петербургского текста В.Н. Топоров в конце жизни писал: «До сих пор этот текст восстанавливался по материалам прошлого и имел свою полную силу в отношении прошлого. Теперь складывается впечатление, что накопленного и уже отчасти интерпретированного материала столько, что естественно возникает проблема-вопрос: что может дать Петербургский текст для суждения о будущем Петербурга?»⁷. А на обороте выписок из цитированного нами архивного очерка Гревса о Васильевском острове Топоров оставил «карандашный набросок о том, как *петербургский текст* становится самодовлеющим и в каком-то смысле диктующим городу его будущее»⁸: «Он претендовал на знание, более того, на открытие в городе того, чего сам город о себе не знал и чего в нем даже могло пока и не быть. И еще далее шел текст в своих претензиях – на понимание тех глубинных смыслов, которые городу бы-

⁵ ОР РНБ. Ф. 1148. Ед. хр. 69. Л. 23.

* Ломоносов работал, в частности, в химической лаборатории Академии наук, располагавшейся на участке дома 58 по 1-й линии, в котором ныне находится филологический факультет Герценовского педагогического университета, а до этого в разные годы помещались Российская академия, Римо-католическая духовная академия, Эстонский коммунистический университет, Финский педагогический техникум.

⁶ Там же. Л. 25.

⁷ Цит. по: Цивьян 2012. С. 61.

⁸ Там же. С. 62.

ли неизвестны. Иначе говоря, в обмен на “дешевую” эмпирию текст претендовал быть **самосознающим** органом города, не только его голосом, но центром рефлексии о городе (о самом себе, судьей, ведущим) (выделено В.Н. Топоровым. – *А.К.*)»⁹. На наш взгляд, из этого обрывка мысли Топорова на обороте записей фрагментов василеостровских размышлений Гревса становится ясным, что видный представитель московско-тартуской семиотической школы говорит о ноосфере Петербурга. Ноосфера в будущем, согласно В.И. Вернадскому, Тейяру де Шардену и др., заменит биосферу и начала свое образование уже сейчас.

Один из основателей учения о ноосфере Тейяр де Шарден считал: человеческая специфичность все более выражается в особой «сфере разума», новой «оболочке» Земли, как бы наложенной на биосферу, но не слитой с ней и оказывающей на последнюю все большее преобразующее воздействие. Через преемственное, из поколения в поколение, распространение знаний и умений (а оно началось с первых фундаментальных открытий и созиданий человека), через философский и нравственный поиск, искусство, науку увеличивается объем общеземного мозга. А, к примеру, центры учебно-просветительской, научно-исследовательской работы, эти особые очаги мозга планеты, связанные чуткими «нервными» (информационными) связями друг с другом, формируют, согласно Тейяру де Шардену, «психические островки», «функциональные комплексы», в которых можно уже признать развивающееся «серое вещество» человечества. К числу таких «мозговых центров», Петербурга больше других духовно-психических «островков» и островов, где работал И.М. Гревс, несомненно относится Васильевский остров с его Университетом и множеством других научных и учебных учреждений, домов и квартир ученых и студентов. Васильевскому как месту жительства Гревс «изменил» лишь несколько раз. Большинство мест его проживания Гревса в Петербурге связаны с «островом у моря».

И.М. Гревс не только, как большинство университетских профессоров, был до революции членом партии конституционных демократов, со студенческих лет он оказался близок к кругам, стоящим у истоков этой партии, что говорит о его политических взглядах. А кем же он был в духовном плане? Несомненно, идеалистом. Но это слишком общая характеристика. Иван Михайлович рассказывал о религиозных началах своих детских лет: «...может быть, сильнее всего, больше всех праздничных служб я в богослужении любил ту, которая, в самом деле, в христианском культе составляет великий центр – литургию. Ее я всю знал наизусть, как то, что возглашается во всеуслышание верующим, так и многое из того, что тихо произносится священнослужителем в алтаре»¹⁰. В алтарь Ивана Гревса заводил во время литургии священник, оценив-

⁹ Там же.

¹⁰ Вахромеева 2004. С. 29.

ший интерес ребенка к богослужению. Гревс вспоминал о том, как он «проигрывал» роль священнослужителя на литургии: «Одной из игр детства было для меня изображение священника, совершавшего богослужение, и я отдавался ей не только с увлечением, но и с благоговением... мне это было не только забавно, но (являло собой) повторение и фиксирование значительных впечатлений, совершенно чуждое какого то ни было не только вышучивания, но и легкомыслия... мне настолько была нужна эта игра, что я стал скрываться, а когда меня застигали в облачении или с импровизированным кадиллом в руках, я отнекивался... я сам с годами считаю, что то были годы развития религиозности.

Очень любил я также устраивать колокольную в саду. На какой-то яблоне над хорошим горизонтальным суком, когда удобно было влезть, я привязывал на ветке передвижные колокола... Целыми часами вызванивал я к разным службам, изменяя в воображении неподходящий к церковному слишком тонкий их звон»¹¹. Не несут ли в себе такие воспоминания разгадку экскурсионного метода Гревса, как, впрочем, и силы воздействия его знаменитых лекций и семинариев? Что если он читал свои лекции, вел экскурсии и занятия из роли священника, проводящего литургию и призывающего к ней? Не исключено, что лекция или экскурсия, подобно литургии, может стать божественным Словом. Отличительная особенность экскурсий, по Гревсу, – «путешественность», понимаемая в качестве некоего одухотворенного движения. Но путешествие можно рассматривать как Шествие по Пути. Такое же Шествие – литургия, изначально задумывавшаяся как совместное служение паствы и священника Богу. Она есть движение в Слове по духовному Пути, предлагаемому Им, в единстве с людьми. Не подобным ли Шествием были гревсовские экскурсии и занятия? Путь христианского Слова – Жертва, принесенная на Кресте. Такая Жертва – основа церковной литургии верных, или Слова. А это значит, что жертвенность, отказ от себя во имя других неизбежно одухотворяли преподавательско-экскурсионную работу Гревса, вполне вероятно имевшую литургийную матрицу.

И не сокрыт ли именно в особенном служении другим во время лекций, семинариев и экскурсий Ивана Михайловича – секрет притягательности его личности и его учительства? Этот секрет – во вложенных Богом от рождения природных данных, отшлифованных культурой и соединенных с литургичностью. Не исключено, что он воздействовал с позиций священника, ведущего литургию, не только на души, но и на судьбы своих учеников, со многими из которых его связывали еще и личное общение, личная дружба. И литургией оказывались не только его лекции и иные занятия с учениками. Ею оказывалась сама жизнь.

Профессор И.М. Гревс был глубоко верующим христианином, религиозным идеалистом, он полагал, что наука неотрывна от Бога. Гревс

¹¹ Там же. С. 27.

утверждал о своем любимом Данте, что «никогда не покидавшая его религиозность» «пронизывала все существо Данте, не вступая в конфликт с тем, что можно назвать его твердостью и радостною верою в науку. Обе веры в Бога (в откровенную истину (*documenta spiritalia, quae humanam rationem transcendent*) и в знание (*philosophica documenta*)) иерархически надстраиваются у него друг над другом и гармонически сочетаются, исполняя каждая свою особенную функцию, первая – абсолютную, вторая – относительную»¹². Говоря о Данте, Гревс говорил и о себе:

«...ложный, узкий, однобокий и поверхностный, обманчивый взгляд – противопоставляет культуру и религию. Религия – душа культуры, она – ее живой, движущий и связующий центр; она – ее абсолютное и вечное основание; она же и освободитель бессмертного духа от порабощения временным соблазном и лжи, светящий и греющий, очищающий пламень... надобно отождествить культуру со всем творчеством человека, каков бы ни был его источник; научное познание есть необходимая, высокий ее элемент; творчество же религиозное – ее фундамент и вершина, корень и венец. И Наука – не противница и не соперница религии, а сотрудница в открытии истины, только сферы их различны: наука ищет достоверного, но относительного знания, религия открывает абсолютную веру...»¹³.

Не удивительно, что И.М. Гревс дружил с В.И. Вернадским, который писал о сменяющей биосферу ноосфере – сфере разума. Владимир Иванович тоже жил и работал на Васильевском. Интересно, что в квартире Гревса 1880-х гг. на 7 линии, д. 60 одно время обитал этот один из его самых лучших друзей. В очерке о Васильевском Гревс писал:

«Есть ли на острове настоящий центр и главная улица? На первое можно ответить: да. То будет широкий перекресток, где сходятся Большой проспект с 6-ю и 7-ю линиями. Здесь в непосредственном соседстве увидим Андреевский собор и Андреевский рынок. Это – как часто было в старых западноевропейских городах, по образцу которых отчасти строился Петербург. И в нашей провинции “ряды” часто окружают собор»¹⁴.

«Для роли “главной улицы” планировался Большой проспект, пересекающий остров до Гавани. Он задуман был пышно: перед домами разбиты сады, местами тротуары засажены деревьями. Получается величественная зеленая перспектива... Но главную улицу Большой проспект является только топографически, образуя вместе с 8-ю–9-ю линиями большой крест, соединяющий центр острова с его окраинами, но не социально: самое сильное движение ныне потекло вдоль него, и 8-я линия в известные часы гуще наполняется народом. Большой же проспект оставался довольно пустынным. Впрочем, в настоящее время нагрузка Большого проспекта грузовым движением сильно увеличивается, знаменуя усиление промышленности.

Другим церковным центром Васильевского острова является Благовещение на Малом проспекте между 7-ю и 8-ю линиями»¹⁵.

Гревс был очень хорошо знаком с описываемым им участком. Еще в 1873 г. тринадцатилетний Иван, год назад переехавший в Петербург с

¹² Гревс 1923. С. 123.

¹³ Гревс 1999. С. 305-306.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 1148. Ед. хр. 69. Л. 17.

¹⁵ Там же. Л. 18.

родителями, поступил в 3-й класс Ларинской гимназии (6 линия, 15) – совсем рядом с Андреевским собором. А с домом на 9-й линии был связан предпоследний адрес Гревса в Петербурге. Он жил на 9-й линии, 48, в квартире № 15 на третьем этаже лицевого флигеля с 1924 до 1940 г. Этот шестиэтажный дом купца М.П. Новожилова, построенный в 1910–1911 гг. по проекту архитектора М.Ф. Еремеева, располагается почти напротив того самого «Благовещенья на Малом проспекте между 7-ю и 8-ю линиями», о котором писал Гревс в очерке о Васильевском острове. А между первым и последним адресами, связанными с участком 6–9-х линий, были другие, относящиеся или близкие к названной местности. Интересно, что в своем очерке Иван Михайлович называет «большим крестом» пересечение Большого проспекта и 8–9-й линий. А пересечение этого проспекта и 6–7-й линий, на котором возвышается Андреевский собор, возведение коего относится к первым петербургским временам, именует «широким перекрестком», в то же время указывая: именно на последнем участке располагается «настоящий центр» Васильевского острова. Чем можно объяснить такое странное смещение акцентов? Скорее всего, политическими опасениями автора. Ведь объявлять центром Васильевского острова большой крест, в середине которого собор, в 1920-е гг., когда писался очерк, было небезопасно. К тому же очень близко от дома Гревса на 9-й линии, где создавался василеостровский очерк, пребывал Благовещенский церковный комплекс, возможно в каком-то смысле заменявший Ивану Михайловичу Андреевский собор, что могло сыграть роль в перенесении «большого креста» с 6–7-й линий на 8–9-ю. На самом деле, если центр острова действительно находится в этом районе, то он располагается в середине большого креста, являющего собой пересечение Большого проспекта и 6-й и 7-й линий. И этот «большой крест» в каком-то смысле есть отражение на местности, т.е. в горизонтальной плоскости, главного креста Андреевского собора.

6-я и 7-я линии выходят к Неве там, где отплывал с Николаевской набережной на Запад в 1922 г. на «философском пароходе» высланный Лениным за границу вместе с другими русскими философами и богословами – гордостью России – ректор Петроградского университета религиозный философ и историк культуры Лев Платонович Карсавин, который был учеником И.М. Гревса. Крест василеостровской местности восходит к пересечению прямых линий на первоначальном, леблонском, плане Петербурга, осуществленном только отчасти. В месте, где 7-я линия упирается в невский извив, на углу с Николаевской набережной (недавно еще – набережной Лейтенанта Шмидта) стоит знаменитый «дом академиков», украшенный, кажется, бесчисленным количеством мемориальных досок, рассказывающих о людях, живших здесь. Весьма значительная часть из них была репрессирована. А рядом – Академия Художеств с поэтической тоновской пристанью со сфинксами...

Видимо совсем не случайно Ивана Михайловича с детства привлекали больше всего те православные праздники, которые были непосредственно связаны с Крестом:

«Среди праздников обещанных были у меня специально любимые. То было Воздвижение и (если можно назвать праздником) Страстная неделя. Воздвижение мне нравилось строгостью своего продолжительного богослужения, поклонения тому, что было орудием страдания Спасителя («честному кресту») – строгостью, выраженной во многих молитвах, в грустных напевах и в погребальном звоне. Но особенно привлекала здесь скользящая из-под этой сосредоточенной печали радость, счастье от воскресения: “Кресту твоему поклоняемся Владыка, и святое воскресение твое славим!”. Любил я, конечно, воздвиженскую (крестопоклонную) всенощную... особое воздвиженское “Господи, помилуй”»¹⁶.

Интересно, что иерусалимский храм Воскресения был освящен св. царицей Еленой в 326 г. 14 сентября по старому стилю. И православная, и католическая церкви празднуют в этот день Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Но торжества западной Церкви весьма скромны и даже скудны. Что же касается литургического ранга, то праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста в Западной Церкви второстепенен и стоит на таком же уровне, как и некоторые другие праздники, посвященные Пресвятой Деве Марии. Между тем в Восточной Церкви праздник Воздвижения Честного Креста Господня относится к числу двенадцатых, главных праздников Церкви. Сама литургия праздника Крестовоздвижения на Востоке наполнена впечатляющими обрядами, раскрывающими значение Креста. На Утрени священник выносит с алтаря крест в середину церкви, где кладет на аналой. Потом возносит его кверху и, повернувшись к востоку, трижды благословляет мир. Этот обряд повторяется еще четыре раза, когда священник поворачивается к северу, западу, югу и еще раз к востоку. Всякий раз, когда обряд повторяется, хор по сто раз поет «Господи, помилуй». Русский композитор Львовский соединил каждое стократное «Господи, помилуй» одной мелодией, которая от чуть слышимого *piuissmo* поднимается до громогласного *fortissimo*, выражая мольбу и горестные стенания падшего тварного мира. Благословляя крестом все четыре стороны света, Восточная Церковь хочет подчеркнуть, что Крест есть символ всеобщего Спасения. «Четверокопечный мир днесь освящается», – поют на Утрени по византийскому обряду в день празднования Воздвижения Честного Креста Господня. Крест, как следует из службы этого праздника, имеет не только моральное, но и космологическое значение: он значительно больше, нежели только психологическое указание. Крест есть основа преобразования вселенной. Он достигает даже до самых глубин материи. Это и выражается в благословении Крестом четырех сторон света. В празднике Крестовоздвижения раскрываются переживания Креста Господня Восточной Церковью. Они удивительно глубоки и наполнены

¹⁶ Вахромеева 2004. С. 28.

не только одним состраданием, ибо значение Креста здесь переносится на весь космос. Это постановление Креста в центр вселенной тесно связано с Воскресением. Поэтому почитание Креста в Восточной Церкви приобретает радостный характер. Эта радость связана с Воскресением, которое без Креста невозможно¹⁷. И рядом с местом Христова Воскресения иерусалимский храм Воскресения делает объектом поклонения Голгофу. Она есть радость как преддверие Воскресения...

В сентябре 1940 г. семья Гревсов въехала в небольшую квартиру по адресу 21 линия, д. 16, кв. 58. Здесь И.М. Гревс скончался 16 мая 1941 г. в 81-й день своего рождения. Он умер в глухом уголке Васильевского, рядом с д. 12, в котором до революции располагался полицейский дом с арестантским отделением. Это было знаменательным совпадением: ведь при его советской жизни многие удивлялись тому, как этот выдающийся человек либерально-идеалистических взглядов до сих пор не арестован...

Елена Чеславовна Скржинская, крупный античник и медиевист, давняя ученица И.М. Гревса, в прошлом – муза, предмет вдохновения и поклонения великого ученика Гревса Л.П. Карсавина, – рассказывала об учителе: «Он интересовался каждой исторической диссертаци-ей, никогда не отказывал в содействии, консультации, указании и неизменно присутствовал при защитах или, как он часто называл, на “диспутах”. Редко проходили заседания кафедры истории средних веков без его участия. За день до кончины он, как обычно, пришел на такое заседание и сидел с удивительной для его возраста бодростью, скрестив на груди руки, не опираясь на спинку стула, не облокачиваясь на стол; выслушав доклад молодой аспирантки, он выступил с кратким, ясным и доброжелательным словом»¹⁸. И далее: «Смерть унесла его внезапно, вероятно безболезненно, в присутствии жены и дочери (обе погибли спустя несколько месяцев в жестокую зиму голодной блокады Ленинграда). Убеленный сединами и как бы спокойно уснувший, он лежал в своем маленьком кабинете, где его окружали неразрывные с ним образы – портрет молодого Данте, широкая панорама Флоренции среди тосканских холмов, портреты матери, друзей, академика Васильевского и младшей дочери – девушки с длинными косами в белом платье, умершей в шестнадцатилетнем возрасте, что было, может быть, наиболее острым горем его зрелых лет. Через два дня тело перенесли в большую аудиторию исторического факультета университета, где была совершена гражданская панихида. Похороны состоялись на Волковом кладбище... Провожавшие, взглянув в последний раз на бледное, мертвое лицо старца, не увидели на нем “хладных, бесчувственных черт бесчеловечной старости”»: от них ушел мягкий, добрый, внимательный и ласковый друг и учитель...»¹⁹.

¹⁷ Подробнее см.: Мацейна 2002. С. 143–146.

¹⁸ Скржинская 1946. С. 247.

¹⁹ Там же. С. 248.

Он ушел в василеостровское ноосферическое будущее.

Крест был в душе Гревса, еще в детские годы любившего праздники, связанные с Крестом, пытавшегося вести литургию и вносившего затем ее особенности в свои лекции, семинарии и экскурсии и, возможно, в личное общение. Именно поэтому Ивану Михайловичу было дано увидеть Крест родного василеостровского места. Это был Крест распятой петербургской науки. Крест Васильевского острова, который Гревс столь подробно описал, несомненно был и Крестом всего Петербурга, а в равной степени всего христианского мира, который Петербург заключает и соединяет в себе.

Иван Михайлович Гревс вносил этот Крест в ноосферу. Тем самым ученый спорил с В.И. Вернадским, опиравшимся в своих выводах о ноосфере на разнообразные, в том числе индуистские, но не христианские источники и писавшем вдове Гревса на следующий день после его смерти: «Иван был верующий глубокий христианин, и в этом, я думаю, он находил и смысл жизни, и нужное для сознательно живущего человека в нашей социальной среде – равновесие и успокоение. Я смотрю на жизнь человека глубоко иначе, чем Иван. Я давно не христианин и считаю, что загадка жизни, ответ на которую дает христианство, не отвечает реальности – реальности чрезвычайно сложной и до сих пор не разрешенной человечеством»²⁰. Но еще 14–17 марта 1937 г. И.М. Гревс писал больному В.И. Вернадскому: «...ты должен поправиться – это самое важное. Как же без тебя заживет ноосфера? Она еще порядком **не окрещена** (выделено мною. – А.К.)»²¹.

Ушедший раньше Вернадского Гревс несомненно делал все, чтобы **окрестить** ноосферу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гревс И.М.* О культуре (Мысли при чтении «Переписки из двух углов» Вячеслава Иванова и М.О. Гершензона. Петербург, «Альконост», 1921) / Мир историка: идеалы, традиции, творчество: К 50-летию В.П. Корзун. Омск: Курьер, 1999.
- Гревс И.М.* Первая глава трактата Данте «De Monarchia». Опыт синтетического истолкования / Из далекого и близкого прошлого: Сб. этюдов из всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. М., 1923.
- Вахромеева О.Б.* Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / ПФА РАН. СПб., 2004. 372 с.
- Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 242 с.
- К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: Сб. статей его учеников. СПб., 1911. 475 с.
- Мацейна А.* Агнец Божий / Пер. с литов. СПб.: Алетейя, 2002. 318 с.
- ОР РНБ.* Ф. 1148. Ед. хр. 69.
- ПФА РАН.* Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 464.
- Рутенбург В.И.* Встречи Гревса с Италией // Россия и Италия / ИВИ РАН. М., 1993.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 464. Л. 40–41.

²¹ Вахромеева 2004. С. 340.

- Скржинская Е. Ч. Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк / Гревс И.М. Тацит. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- Цивьян Т.Н. Еще о Петербурге и Петербургском тексте // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения» (25–26 сентября 2012 г.) / ИМЛИ. М., 2012.

REFERENCES

- Grevs I.M. O kul'ture (Mysli pri chtenii «Perepiski iz dvukh uglov» Vyacheslava Ivanova i M.O. Gershenzona. Peterburg, «Al'konost», 1921) / Mir istorika: idealy, traditsii, tvorchestvo: K 50-letiyu V.P. Korzun. Omsk: Kur'er, 1999.
- Grevs I.M. Pervaya glava traktata Dante «De Monarchia». Opyt sinteticheskogo istolkovaniya / Iz dalekogo i blizkogo proshlogo: Sb. etyudov iz vseobshchei isto-rii v chest' N.I. Kareeva. M., 1923.
- Vakhromeeva O.B. Chelovek s otkrytym serdtsem. Avtobiograficheskoe i epistolyar-noe nasledie Ivana Mikhailovicha Grevsa (1860–1941) / PFA RAN. SPb., 2004. 372 s.
- Kaganovich B.S. Russkie medievisty pervoi poloviny KhKh veka. SPb.: Giperton, 2007. 242 s.
- K dvadtsatipyatiletuyu ucheno-pedagogicheskoi deyatelnosti Ivana Mikhailovicha Grevsa: Sb. statei ego uchenikov. SPb., 1911. 475 s.
- Matseina A. Agnets Bozhii / Per. s litov. SPb.: Aleteiya, 2002. 318 s.
- OR RNB. F. 1148. Ed. khr. 69.
- PFA RAN. F. 518. Op. 3. Ed. khr. 464.
- Rutenburg V.I. Vstrechi Grevsa s Italiei // Rossiya i Italiya / IVI RAN. M., 1993.
- Skrzhinskaya E.Ch. Ivan Mikhailovich Grevs. Biograficheskii ocherk / Grevs I.M. Tatsit. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1946.
- Tsiv'yan T.N. Eshche o Peterburge i Peterburgskom tekste // N.P. Antsiferov. Filo-logiya proshlogo i budushchego: Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konfe-rentsii «Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya» (25–26 sentyabrya 2012 g.) / IMLI. M., 2012. Grevs I.M. O kul'ture (Mysli pri chtenii «Perepiski iz dvukh uglov» Vyacheslava Ivanova i M.O. Gershenzona. Peterburg, «Al'konost», 1921) / Mir istorika: idealy, traditsii, tvorchestvo: K 50-letiyu V.P. Korzun. Omsk: Kur'er, 1999.

Крейцер Александр Викторович, ведущий редактор, Музей РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); muzeirgpu2013@yandex.ru, avkreizer@mail.ru

Ivan Mikhailovich Grevs: on the cross of Vasileostrovsky locus

The paper is focused on an outstanding Russian historian-medievalist I.M. Grevs and on his his contribution to V.I. Vernadsky's doctrine about noosphere. General connections of Grevs – a religious idealist who propagated the unity of science and faith – with St. Petersburg scientific-teaching center in Vasiliyevsky Island are revealed.

Keywords: I.M. Grevs; V.I. Vernadsky; Vasiliyevsky Island; science; Cross; christening; liturgy; noosphere.

Alexander Kreizer, managing editor, Museum of Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg; muzeirgpu2013@yandex.ru, avkreizer@mail.ru